

АНДРЕЙ ФРОЛОВ



КАРТИНА
РОССИЙСКОГО
БЫТА

* * *

Надсадно выла автострада,
горячим выхлопом дыша –
через шоссе валило стадо
размеренно и не спеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
как будто спали на ходу,
коровы медленную думу
жевали, точно лебеду.

И снисходительная жалость
к людской извечной суете
в глазах косящих отражалась,
как в застоявшейся воде.

БАБЬЕ ЛЕТО

Богом посланная милость –
тёплый солнечный денёк.
Это лето зацепилось
паутинкой за пенёк.

Продолжает труд тяжёлый
забубённая пчела.
Пацаны бегут из школы
на окраину села.

Промелькнут по косогору –
мимо пасеки, на брод.
А пескарь в такую пору
и на голый крюк берёт!

АГРОНОМ

Может, вы о нём слышали, –
спорить не возьмусь, –
просыпался с петухами,
брился наизусть.
Ставил мерина в оглобли,
отводил плетень,
понукал – вороны глохли
за пять деревень.

Вдоль дорог стога мелькали,
ёжилась стерня.
Впереди всходили дали
в свете трудодня.
Громыхая на ухабах,
вслед за ним несло
необъятного масштаба
бодрое «авось».

ВОРОЖЕЯ

Ходили слухи: бабка ведьма,
мол, ей и сглазить – плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
да ведьмам слухи – не указ.

Вот и жила неторопливо,
мирясь со злобой языков,
и взглядом, жгучее крапивы,
стегала души земляков.

Скупа на ласковое слово,
копной волос белым-бела
и подозрительно здорова...
До той поры, как померла.

С кончиной каверзной старухи
утихомирилась молва...
А на девятый день округе
хватать не стало волшебства.

СТОРОЖ

Десять лет колхоза нету,
сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
он привык не спать ночей.

В ширину – шагов сто двадцать,
двести семьдесят – в длину.
он не может отвлекаться
на бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
пристегнув себя к ружью,
и пугает колотушкой
тьнь горбатую свою.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
что у бабушки Андревны –
просто диво, как вкусны!

И поэтому, наверно,
успевает только треть
урожая у Андревны
окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна –
мол, коту под хвост труды, –
собирая на варенье
уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
всё страшит пацанву:
– Вот уж, кого споймаю –
ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
и, беседа со мной,
говорит:
– Дурна старуха –
нешто слопать всё одной?

КОЛХОЗНИК

Папиросой весело дымя,
балагурит дед возле амбара:
– Мне чего бояться, окромя,
разве что вселенского пожара?
Ты учёный, сам и посуди:
сто годков топчусь уже по свету –
столечко такого позади,
что и помирать боязни нету.
Как-никак, почти герой труда
и почётный член кооператива...
Да и помирать-то мне когда?
Летом – недосуг,
зимой – противно...

СТРОЙКА

Домишко скромный –
 стена в кирпич
 полгода строил
 старик Кузьмич.
 Село ворчалो:
 не тот, мол, пыл,
 у Кузьмича, мол,
 не хватит сил,
 ровесник века –
 не совладать...
 Кузьмич кумекал,
 где тёс достать.
 Залил фундамент
 и начал класть
 на камень камень,
 перекрестясь.
 Стропила, кровля –
 не на авось.
 Забил к Покрову
 последний гвоздь.
 Приладил двери
 и вытер пот:
 Ну, кто не верил?
 Смотрите – вот...
 Присел в сторонке
 и вдруг... чихнул.
 Как о приёмке
 акт подмахнул.

БОБЫЛЬ

Под сочащимся ржавчиной краном
 торопливо стирает бельё,
 объявляет войну тараканам
 и проигрывает её.

Вечерами вздыхает устало,
 как в период страды тракторист,

и заглатывает сериалы,
 поминутно влюбляясь в актрис.

Поливает щетинистый кактус,
 не надеясь, что тот зацветёт.
 Если спросишь участливо: «Как ты?»,
 угловато плечами пожмёт.

ОТШЕЛЬНИК

Молоко в пузатой кринке,
 аккуратная постель.
 Ни пылинки, ни соринки –
 словно ждал всю жизнь гостей.

* * *

Вырастая до прежнего роста,
 человек возвращался с погоста.
 Шли минуты,
 и делалось легче,
 расправлялись ладони и плечи,
 возвращались дела и заботы,
 воскресение шло за субботой.
 Всё предельно понятно и просто:
 человек возвращался с погоста.

* * *

Картина российского быта:
 старуха с разбитым корытом,
 старик тянет невод дырявый,
 а рыбка грустит под корягой
 о том, что со смерти поэта
 два века прошло, но при этом
 российского быта картина
 всё та же – разор и рутина.